

УДК 165.1

DOI:

10.15372/PS20150408

В.И. Силантьев

*Институт философии и прав СО РАН, г. Новосибирск
vsilantev@gmail.com*

ОНТОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Рассматривается понятие сознания в его отношении к неосознаваемым ментальным процессам, деятельности мозга, а также поведенческим автоматизмам. На примере ошибочности некоторых редуктивных и нередуктивных концепций сознания показана невозможность построения онтологии сознания в отрыве от неосознаваемых аспектов работы разума.

Ключевые слова: сознание, редукционизм, аргумент зомби

V.I. Silantsev

*Institute of philosophy and law SB RAS, Novosibirsk
vsilantev@gmail.com*

COGNITIVE PROCESSES ONTOLOGY IN CONCEPTIONS OF PHILOSOPHY OF MIND

The concept of consciousness is considered through its relation to unconscious mental processes, brain activity, and behavioral automatisms. Impossibility of consciousness ontology construction with consciousness being detached from unconscious work of the mind is shown through fallacy of some reductive and nonproductive views on consciousness.

Keywords: consciousness, reductionism, zombie argument

Введение

В 1977 г. В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили опубликовали статью «Проблема объективного метода в психологии» [1], основная идея которой состоит в том, что психика существует объективно, и поэтому исследовать ее необходимо объективными методами [2]. На примере развития мнемонических, перцептивных и моторных психических про-

цессов авторы показали, что как развитие, так и функционирование нашей психики носит объективный или «квазипредметный» характер. В известном смысле, наш психический аппарат находится как бы между мозгом и миром: «если голова (мозг) и мир будут все-таки в конце концов описаны с предельно возможной детализацией в физических (физико-химических) терминах в реальном пространстве и времени, то психическое все равно окажется особым срезом и аппарата отражения (мозга) и отражаемых в нем состояний и объектов мира, несводимым ни к тому, ни к другому и живущим в квазипредметном измерении бытия» (там же).

Данная статья представляла собой реакцию на длительное противостояние, ведущееся в психологии между двумя лагерями исследователей относительно вопроса о природе ментального и способов его изучения. Сторонники первого лагеря придерживались редукционистских взглядов, сводящих внутренний мир субъекта к объективным основаниям: физико-химической деятельности мозга и/или поведению. Второй лагерь образовывали субъективистически ориентированные авторы, стремившиеся показать, что сознание и психика в целом субъективны по своей природе.

Согласно авторам статьи, ни одна из этих крайних точек зрения не способна охватить проблему соотношения объективного и психического: «либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа. При этом в обоих случаях психологическое и субъективное отождествляются» (там же).

Основоположник так называемого экологического подхода в психологии познания Д. Гибсон также обращает внимание на существование этих крайностей. Автор задается вопросом: «Почему объяснение непременно надо искать *либо* в теле, *либо* в разуме?» [3]. Согласно Гибсону, восприятие, сознание, психический аппарат в целом представляет собой процесс целостного взаимодействия организма и среды. Поскольку этот процесс не сводится к функционированию организма, несостоятельной, по мысли автора, оказывается конструктивистская точка зрения на психику. Например, зрительное восприятие с точки зрения экологического подхода является процессом извлечения из окружающей среды значений, имманентных как разуму, так и миру, и не сводится к конструкциям разума.

Сходное наблюдение делает М. Мерло-Понти, описывая так называемую объективистскую установку в вопросе о способе существования ментального, распространенную в классической философии, как в эмпи-

рических, так и в рационалистических системах [4]. Согласно автору, сознание не отгорожено от мира концептуальной пропастью, порождаемой мышлением, но имманентно миру. Восприятие, соответственно, по своей сути является деятельностью по извлечению из окружающей реальности имплицитных смыслов, а не конструирующей деятельностью, приписывающей миру те или иные характеристики.

Идея того, что в основе познания, от простейших актов восприятия до порождения отвлеченных понятий, лежит взаимодействие организма и окружающего мира, является одной из ключевых в концепции Д. Лаккоффа. Согласно автору, фундаментальным основанием познания, мостом между примитивными сенсомоторными операциями младенца и результатами интеллектуальной работы ученого являются метафоры, или универсальные когнитивные операции, позволяющие выражать одни явления при помощи других при сохранении некоего изначального подобия между ними [5]. Автор полагает, в течение 30 лет академическое сообщество откажется от устаревшей, по его мнению, идеи существования «чистого» разума и примет понятие «отелесненного» (embodied) разума.

Тезис о том, что разум не является запертым за семью замками в мозге, поведении или где-либо еще, разделяемый авторами, приведенными выше, имеет принципиальное значение для познания ментального мира в целом и сознания в частности. Ниже мы увидим, что непонимание этого фундаментального тезиса приводит к тому, что споры о второстепенных аспектах сознания заслоняют собой решение более важных вопросов.

§1. Редуктивные подходы к сознанию: физикализм и функционализм

В современной философии сознания также существует тенденция рассматривать ментальные явления как нечто, существующее обособленно от остального мира. Аналогичным образом, данной линии придерживаются как сторонники онтологической самостоятельности сознания, так и те, кто стремится показать, что в основе феноменального опыта лежат другие процессы. Рассмотрим сначала редукционалистские взгляды на природу феноменов, а именно, редуктивные версии физикализма и функционализма.

Ключевыми для физикалистского взгляда на сознание являются следующие тезисы:

а) Во Вселенной существуют только физические объекты или то, что объясняется физическими теориями [6]. Если бы существовала физическая теория, исчерпывающе объясняющая физический мир, она также объясняла бы природу сознания.

б) Поскольку существуют только физические объекты (и объекты, производные от них), физический мир является каузально замкнутым. Иными словами, все существующее имеет физические причины.

Дмитрий Иванов следующим образом характеризует суть физикалистского видения мира: «любое событие, происходящее в мире, должно быть результатом исключительно физических причин и не должно опровергать базовые физические законы. Иначе говоря, невозможна такая ситуация, когда в какой-либо момент времени в естественный ход событий вмешались бы силы, не подпадающие под действие физических законов» [7]. Различные формы физикализма, от редуктивных подходов вроде теории идентичности, отождествляющей ментальные явления с физико-химическими процессами в головном мозге, до супервентного физикализма, согласно которому сознание можно уподобить узорам, выложенным из точек, в качестве которых выступают физические тела, предполагают, таким образом, что физические процессы первичны по отношению к феноменам сознания.

Представляется, что попытка разрешить загадку сознания с позиции физикализма напоминает такой малопродуктивную форму деятельности, которая обычно именуется пальбой из пушки по воробьям. Когда мы, стремясь разгадать загадку существования ментальных феноменов, утверждаем, что эти феномены тождественны некоторым физическим процессам, либо сводимы к ним, тем самым задаем мышлению несоизмеримо больший масштаб. Как справедливо замечает Нагель в своей классической работе «Каково быть летучей мышью?», мы можем утверждать, что сознание *есть* физический процесс, но мы не понимаем, что это *значит* [8]. Даже если это действительно так, и сознание – это особый физический объект или специфическое физическое свойство, разве такая формулировка что-либо говорит нам о том, почему одни явления осознаются и другие не осознаются или почему вкус сладкого мы ощущаем именно таким конкретным образом?

Упование некоторых авторов на то, что наука завтрашнего дня даст исчерпывающее объяснение разума в терминах нейронной активности, никоим образом не углубляет наше знание. Что же касается надежд некоторых физиков на то, что сознание, не являясь строго алгоритмизированным процессом, может быть объяснено в терминах квантовых про-

цессов, происходящих в нейронах, то порой создается впечатление, что эти надежды отражают скорее магически-ассоциативный характер нашего обыденного мышления, стремящегося объединять явления лишь на основании внешнего, ассоциативного сходства между ними. Д. Чалмерс иронизирует по этому поводу и формулирует «Закон минимализации при столкновении с тайнами» («a law of minimization if mmystery»), который гласит: «сознание таинственно и квантовая механика таинственна, поэтому возможно, что эти две тайны имеют общее происхождение» [9]. Любопытное наблюдение делает Д. Иванов, усматривая в принципе каузальной замкнутости физического мира неявное допущение дуалистических предпосылок Декарта, по мысли автора, можно в равной степени считать как основателем феноменологического течения, так и основателем физикализма.

Физикализм игнорирует вопросы, являющиеся ключевыми для понимания природы сознания, а именно: «Как соотносятся осознаваемые и неосознаваемые ментальные явления?», «Каковы причины осознания?», «В чем заключается функциональная роль феноменологического опыта?» и др. Противопоставление же феноменального опыта и мира, являющееся следствием принципа каузальной замкнутости мира, еще более затрудняет изучение ментальных явлений. Ниже мы увидим, что данное противопоставление могут допускать явно или не явно даже те авторами, которые традиционно считаются апологетами сознания.

Согласно функционалистскому подходу феноменальные состояния принципиально не отличаются от функциональных состояний машины Тьюринга [10]. Важным является не то, как переживается внутренний опыт, но то, какую роль он играет в системе в целом. Рассматриваемое направление имеет существенное отличие от физикализма. Согласно функционализму, вопрос о материальном исполнении состояний, ключевой с точки зрения физикализма, является второстепенным. К примеру, Д. Хофштадтер, видный представитель функционализма, предлагает вообразить «беседу» с огромной книгой, содержащей исчерпывающее описание характеристик всех нейронов мозга Эйнштейна на момент его смерти, а также ссылки с одной страницы на другую, в точности воспроизводящие существовавшие в тот момент связи между нейронами. С точки зрения автора, поскольку книга является точной функциональной копией мозга знаменитого физика, не существует принципиального различия между ментальными состояниями, которые переживал ученый, и функциональными состояниями, разворачивающимися перед читателем этого тома.

Если физикализм сводит внутренний опыт к свойствам его материального носителя, то функционализм стремится объяснить феномены сознания через функциональные состояния этого носителя. Представляется, однако же, что ни тот, ни другой вариант не приближает нас к ответу на вопросы о природе ментального опыта. Если, к примеру, феномены сознания можно исчерпывающе свести к функциональным состояниям его материального носителя, непонятным остается, почему такие состояния вообще сопровождаются внутренним опытом.

Следует иметь в виду, что термин «функционализм» используется для именованя двух совершенно разных подходов. Вышеуказанный функционализм инспирирован кибернетикой и основывается на компьютерной метафоре. Более ранний, биологический функционализм У. Джеймса и Д. Дьюи является в этой связи более последовательным подходом. Семантика субъективного опыта здесь непосредственно связывается с объективными адаптационными задачами, стоящими перед организмом. Имманентный смысл боли, к примеру, соответствует объективной функции избегания организмом источника боли. Состояния голода и насыщения, эмоции радости и страха, даже построение зрительного образа можно рассматривать как функциональные состояния, необходимые организму для регуляции своего поведения. Сведение же феноменов сознания к функциональным состояниям их носителя в рамках современного, «машинного» функционализма, не позволяет ответить на фундаментальные вопросы о природе сознания. Феноменальный опыт здесь, как и в случае с физикализмом, отделяется от прочих явлений, как ментальных (неосознаваемые психические процессы), так и материальных.

§ 2 Нередуктивный взгляд на сознание в концепции Д. Чалмерса

Кратко рассмотрев редукционистские точки зрения на природу сознания, перейдем к рассмотрению концепции Д. Чалмерса, согласно которой, феноменальный опыт является онтологически самостоятельным и не сводится к деятельности мозга или к тем функциям, которые он выполняет. По мысли этого автора, в области изучения сознания существует лишь одна по-настоящему трудная проблема (the hard problem). Она заключается в том, что у нас нет ответа на принципиальный вопрос о существовании феноменального опыта. Иными словами, мы не знаем, почему вообще деятельность мозга, различные когнитивные процессы,

наше поведение сопровождается феноменальным опытом. Вопросы же конкретной реализации того или иного аспекта познания (запоминания, внимания, категоризации и т.д.) автор предлагает относить к множеству «легких проблем». Чалмерс особо подчеркивает принципиальное различие между Трудной проблемой и легкими проблемами: «Легкие проблемы являются таковыми именно потому, что они касаются объяснения когнитивных *способностей* и *функций*. Для того, чтобы объяснить когнитивную функцию, нам всего лишь нужно определить механизм, который выполняет эту функцию... Трудная проблема, однако же, остается [необъясненной], даже после того, как объяснено осуществление всех соответствующих функций» [11].

Дэвид Чалмерс полагает, что единственным вариантом ответа на вопрос о существовании феноменального опыта является допущение его фундаментальности наряду с такими категориями как заряд, масса, пространство и время. Если ментальный опыт является фундаментальным свойством Вселенной, его существование не нуждается в объяснении.

Существенным аспектом концепции сознания, предложенной Чалмерсом, является противопоставление феноменального опыта прочим когнитивным процессам. Автор различает феноменальное и психологическое сознание [12]. Феноменальное сознание это внутренний опыт, переживание которого, в терминологии Т.Нагеля, «на что-то похоже». Исследование феноменального сознания предполагает решение Трудной проблемы. Психологическое сознание образовано множеством когнитивных функций, лежащих в основе управления поведением. Изучение этих функций связано с решением соответствующих легких проблем.

Следует отметить, что в вопросе о соотношении между феноменальным и психологическим сознанием автор использует достаточно туманные формулировки. С одной стороны, это два разных вида ментальных явлений, и отличие между ними имеет принципиальный характер. Феноменальное сознание, в отличие от психологического, осознается как переживаемый опыт. Психологическое сознание, в свою очередь, обладает причинным воздействием на поведение, и его осознание подчас оказывается либо невозможным, либо излишним. С другой стороны, Чалмерс не исключает того, что оба вида сознания могут, в конечном счете, быть тесно связанными. Формулировка взаимоотношения между двумя видами разума звучит так: феноменальное сознание и психологическое сознание «обычно сопровождают друг друга» («*tend to accompany each other*»).

Будучи сторонником онтологической самостоятельности феноменов сознания, Чалмерс разработал «аргумент зомби», ставший классическим в философии сознания. Суть аргумента состоит в следующем. Если мы считаем, что внутренний опыт обладает самостоятельным онтологическим статусом и не сводится к физическим процессам в мозге, то противоположная точка зрения, согласно которой осознаваемый опыт сводим к физическим процессам, является ложной. Для этого предлагается вообразить такую гипотетическую ситуацию, в которой сознание сводится к физическим процессам, и посмотреть, согласуется ли такая ситуация со здравым смыслом. Иными словами, нужно представить Вселенную, являющуюся точной копией нашей Вселенной в физическом плане, но в которой нет сознания. Почему можно говорить о существовании такой Вселенной? Потому что ее существование не противоречит физикалистской картине мира. Редуцируемость внутреннего опыта к физическим явлениям подразумевает то, что сознание не обладает причинным влиянием на мозг, тело, поведение (в соответствии с принципом каузальной замкнутости физического мира), а значит, онтологическое «изъятие» сознания из мира не должно привести к каким-либо изменениям в этом мире.

Итак, представим себе Вселенную, которая в физическом плане является точной копией нашего мира, но в которой не существует внутреннего опыта. В ней есть Земля, города, улицы, деревья, люди, собаки и т.д. Люди и животные ведут себя здесь точно так же, как и в нашем мире. Этот зомби-мир населен «философскими зомби», его существование не противоречит физикализму. Однако оно противоречит здравому смыслу. Ведь очевидно, что в нашем мире сознание есть, чем бы оно ни являлось, субстанцией или эпифеноменом. Следовательно, физикалистская картина мира является неполной, и физикализм ложен.

Важным для понимания понятия философского зомби является следующий фрагмент: «Что же происходит с моим зомби-двойником? Он физически идентичен мне, и мы можем также предположить, что он включен в точно такую же среду. Он определенно будет идентичен мне *функционально*: он будет обрабатывать тот же тип информации, реагировать сходным образом на стимулы извне, причем его внутренние диспозиции будут соответственным образом изменены и приведут к неотличимому [от моего] поведению. В функциональном смысле он будет воспринимать деревья за окном, в психологическом – пробовать на вкус шоколад. Все это следует из того факта, что он физически идентичен мне, а также из функционального анализа психологических понятий. Он

даже будет «осознавать» свои функциональные ощущения, описанные выше. Он будет бодрствовать, будет способен дать отчет о содержании своих внутренних состояний, сможет сосредотачивать внимание на разных предметах и так далее. Однако ничего в его деятельности не будет сопровождаться реальным внутренним опытом. Не будет феноменального переживания. Быть зомби не похоже ни на что» (там же). Психологическое сознание, может существовать независимо от феноменологического сознания. Такого рода разделение феноменального опыта и неосознаваемых когнитивных процессов, являющееся, по сути, онтологическим разделением, является ошибочным. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

Рассмотрев в общих чертах концепцию сознания Чалмерса, перейдем к ее оценке. С одной стороны, во взглядах автора импонирует то, что он не пытается уйти от проблемы существования феноменального опыта. В некотором смысле, при изучении сознания не столь важными представляются такие вопросы как «Первично ли сознание по отношению к мозгу или поведению?», «Могут ли компьютерные чипы осознавать?» или «Существует ли на самом деле Я или это всего лишь иллюзия?». Гораздо более важным представляется понимание автором факта существования феноменального опыта и попытка (весьма успешная, следует признать) сформулировать проблему сознания предельно точно. Однако отделение сознания от неосознаваемых ментальных процессов, является ошибочным. Феномены сознания, квалиа, осознаваемый опыт не существуют безотносительно к их условной противоположности – неосознаваемым ментальным процессам.

Согласно предположению автора, внутренний опыт является фундаментальным свойством мира. Процессы же, образующие психологическое сознание, имеют принципиально иную природу. Такие когнитивные процессы как категоризация, фокусирование внимания, научение, выработка двигательных навыков, согласно мысленному эксперименту, могли бы существовать без внутреннего опыта. Однако, возможна ли такая ситуация в действительности?

Рассмотрим вопрос о том, могут ли существовать порознь сознание (как объект Трудной проблемы) и, к примеру, категоризация (как объект одной из легких проблем). Важнейшим свойством сознания, наряду с его специфической «перспективностью», является интенциональность. Мы не можем ничего не осознавать и оставаться при этом в сознании. Сознание, не направленное ни на один объект, равносильно отсутствию сознания. Очевидно также то, что необходимым условием для осознания объ-

екта является наличие у субъекта категориальной сетки, системы понятий или даже квазипонятий. Причем для формирования простейшей системы ментальных категорий даже не требуется наличие языка. Сам факт того, что переживаемый феномен обладает каким-то значением для носителя сознания, уже свидетельствует о наличии соответствующих имплицитных категорий.

Одним из простейших феноменов сознания, не требующих для своего существования наличия культуры или языка, является боль, значение которой является в высшей степени непосредственным. Но что означает испытывать боль? Это значит непосредственно осознавать нечто как предельно нежелательное, что источника боли нужно избегать любой ценой и т.д. Однако для того, чтобы субъект мог приписать объекту свойства вроде: «предельно нежелательный», «тот, которого нужно избегать любой ценой» и т.д., у него уже должны быть соответствующие категории.

В свете современных исследований ментального мира младенцев представляется вполне оправданным говорить о существовании врожденной категориальной системы, которая направляет их самые первые акты осознания. Учитывая то, что познание ментального мира детей и животных идет по пути поступательного углубления во все более ранние стадии развития разума, можно предположить, что ребенок обладает разумом, категоризирующим осознаваемые им феномены, еще находясь в утробе матери.

С другой стороны, когнитивные психологи уже достаточно давно обратили внимание на тот факт, что сам процесс категоризации не осознается. Механизмы определения того, что за объект попал в фокус нашего внимания, и какие семантические характеристики ему следует приписать, протекающие в считанные доли секунды, недоступны осознанию не только в силу своей быстроты, но вероятно и по самой своей природе. Но если формирование ментальных категорий так тесно связано с актами осознания, можно ли отделять одно от другого в онтологическом плане, как это делает Д. Чалмерс [13]?

Онтологическое разделение феноменов сознания и неосознаваемых ментальных структур и процессов, проводимое Чалмерсом, приводит к тому, что сознание оказывается чем-то вроде номологического инвалида. Раз возможно существование Зомби-Вселенной, то сознание не является каузально эффективным. Решение проблемы существования внутреннего опыта, при котором сознание по сути приравнивается к пациенту с синдромом «запертого человека» («locked-in syndrome», [14]), осоз-

нашему происходящее, но неспособному к двигательной активности, едва ли оказывается лучше редукционистских концепций сознания.

Наконец, сомнительной в эпистемологическом плане представляется стратегия, лежащая в основе аргумента Зомби, базирующаяся на опровержении оппонентов. Даже если окажется, что редуктивный физикализм ложен, что дает нам аргумент Зомби в конструктивном плане относительно того, почему наш внутренний мир протекает «не в темноте»? Ведь вполне может оказаться так, что вопрос о том, редуцируемо ли сознание к физическим явлениям, вообще не является ключевым. Вспомним в этой связи замечание Нагеля относительно того, что отнесение сознания к физическим процессам ничего не говорит нам о его природе.

Перейдем к решению Трудной проблемы, предлагаемому Чалмерсом. Не будет преувеличением сказать, что таким образом сформулированную проблему (где сознание оказывается онтологически отделенным от неосознаваемых ментальных процессов, поведенческих автоматизмов и т.д.) решить невозможно. В конечном счете, решением этой проблемы было бы объяснение природы сознания. Однако такое объяснение представляется невозможным, поскольку сознание генетически связано с неосознаваемыми психическими процессами.

Относя качественные состояния к особому фундаментальному свойству мира лишь на том основании, что все прочие попытки их познания не увенчались успехом, Чалмерс приходит к тому же, что и авторы, для которых он сформулировал Закон минимизации количества тайн. Аналогичный закон, но уже применительно к чалмерсовской стратегии решения Трудной проблемы, можно было бы сформулировать как «Закон максимизации количества фундаментальных свойств», в соответствии с которым, если что-то не может быть объяснено, следует отнести его к фундаментальным основаниям мира, которые, как известно, сами в обосновании не нуждаются.

§ 3. Возможно ли существование Зомби-Вселенной?

Обилие мысленных экспериментов, предложенных в философии сознания во второй половине 20 века в качестве весомых аргументов за или против той или иной концепции, заставляет задуматься о том, действительно ли мысленные эксперименты важны. Ведь с ростом их число количество решений почему-то не растет. Более того, мысленные эксперименты, формулировка которых содержит серьезные концептуальные ошибки, могут даже существенно затруднить процесс познания. При-

мером таких экспериментов, на мой взгляд, является аргумент зомби, основной концептуальный просчет которого состоит в противопоставлении сознания и неосознаваемого ментального контекста. То, что Чалмерс называет феноменологическим сознанием и то, что он называет психологическим сознанием, в действительности не существуют друг без друга.

Итак, аргумент зомби ошибочен, однако означает ли это, что физикалистский редукционизм истинен? Если Чалмерс ошибается, то может быть правы его оппоненты физикалисты. Полагаю, что в действительности все обстоит как раз наоборот! Именно концептуальная несостоятельность аргумента зомби, состоящая в отделении феноменов сознания от неосознаваемого ментального контекста, свидетельствует о нередуктивности сознания к мозговым процессам. Если бы сознание по самой своей сути не было связано с теми процессами, которые согласно Чалмерсу являются объектами множества легких проблем, это бы и означало, что сознание живет на пособия в каузальном плане и не может быть причиной даже малейшего действия.

Наша жизнь содержит так много примеров работы когнитивных и поведенческих автоматов, для осуществления которых не требуется участия сознания. Однако всякий автоматизм изначально таковым не являлся, будучи на первых порах новым событием, которое необходимо было осознанно осмыслить, найти ему место в сложившейся у индивида категориальной сетке. Верна и обратная зависимость сознания от неосознаваемых ментальных процессов, которой мы вкратце рассмотрели выше на примере с категоризацией. Поэтому бессмысленно пытаться представить себе мир зомби, обладающих таким же поведением, как и мы, но полностью лишенных сознания.

Здесь можно, конечно же, возразить и сказать, что такие зомби не только представимы, но что их существование – это вопрос нескольких лет, имея в виду бурно развивающуюся компьютерную индустрию. Действительно, можно допустить, что еще на нашем веку будут созданы роботы с поведением, неотличимым от нашего. Однако означает ли это, что возможно существование целого мира, с самого начала населенного подобными существами? Такой мир не может существовать именно потому, что в нем изначально нет сознания. Компьютеры уже сегодня способны выполнять уму непостижимые задания. Тем не менее, компьютер обладает сознанием ровно настолько же, насколько им обладает бревно [15]. Искусственный разум, будучи порождением человеческого сознания, в известном смысле несет на себе его печать.

Однако без участия сознания невозможно было бы построить даже катапульту.

Тот факт, что, некоторые современные автомобили могут демонстрировать вполне осмысленное поведение на дороге без непосредственного участия человека, говорит лишь о том, что для создания такого автомобиля требуется человек, обладающий сознанием. Именно наличие высокоорганизованного сознания у человека позволяет значениям как бы перекочевать из его головы в центральный процессор автомобиля. Такая машина умеет парковаться лишь потому, что умеет парковаться человек, его создавший.

С учетом сказанного выше, бессмысленно рассуждать о том, мог бы существовать мир зомби или нет. Даже самое простое орудие изготавливается и используется, исходя из задач, которые изначально находятся в голове у мастера. Можно предположить также, что и простейшие двигательные акты, которые выполнялись живыми организмами на Земле более трех миллиардов лет, требовали для своего осуществления наличия сознания (каким бы причудливым оно ни было). Психологи не случайно называют простейшие психические операции сенсомоторными, что отражает изначальное единство простейших движений и ощущений, сопровождаемых ими. Не будет преувеличением, таким образом, сказать, что внутренний опыт играет ключевую роль при построении телесного движения. Его участие в построении движения может быть опосредованно сформировавшимися у индивида когнитивными и поведенческими автоматизмами, но изначально оно всегда является непосредственным.

Заключение

В наши дни наблюдается бурный рост количества исследований сознания в разных областях науки и философии. Однако не ясно, является ли это время золотым веком или золотой лихорадкой. Обнадеживает то, что исследовательских кругах сформировалось серьезное отношение к проблеме сознания. Прошли времена как примитивного ментализма, когда при изучении сознания можно было полагаться только на непосредственный внутренний опыт, так и примитивного редукционизма, когда существование этого опыта либо отрицали, либо считали прихотью обыденного языка. Сегодня даже те, кто считает сознание иллюзией, вынуждены изобретать все более хитроумные аргументы для опровержения существования этой иллюзии.

С другой стороны, зачастую дискуссии относительно правомерности того или иного аргумента, представленного обычно в виде мысленного «эксперимента», на деле оказываются схоластическими спорами о словах.

Принципиальным для познания ментальных феноменов является то, что природа сознания не является онтологически автономной. И в генетическом, и в функциональном плане сознание связано с остальным ментальным миром. Феномены сознания, безусловно, уникальны в силу своей специфической «перспективности» или «на-что-то-похожести». Однако было бы в корне ошибочным полагать, что огонек внутреннего опыта путешествует по океану темной Вселенной в наглухо закупоренной колбе, отделяющей его, помимо прочего, от неосознаваемых когнитивных процессов.

Аналогичным образом, не является оторванным от мозга и остального внешнего мира наш психический аппарат в целом. Учитывая то, как долго существует жизнь на нашей планете, а также то, что разум, по всей видимости, на протяжении всего этого времени играет ключевую роль в регуляции поведения живого организма, крайне странным было бы отделять его в онтологическом плане от тела. Однако именно это мы делаем, когда всерьез принимаем ход рассуждения, навязываемый аргументом Зомби (не важно, защищаем ли мы его при этом или опровергаем).

Таким образом, можно прийти к двум существенным философским выводам. Во-первых, психика (разум, ментальный мир) имманентна миру по самой своей природе. Мир находится не «где-то там». Он окружает нас с самого нашего появления и глубоко укоренен в самой природе нашего психического аппарата. Во-вторых, сознание и неосознаваемый ментальный контекст представляют собой единство, являются разными аспектами работы разума. Следуя логике этих рассуждений, мы неизбежно должны прийти к онтологическому предположению, что сознание, бессознательное, разум в целом, являются ровесниками если не всего живого на Земле, то, по крайней мере, ровесниками самых первых организмов, обладающих примитивной центральной нервной системой.

Примечания

1. См.: *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. – 1977. – № 7.

2. Следует иметь в виду, что понятие объективности у этих авторов носит весьма специфический характер, не совпадающий с классическими представлениями.

3. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. Общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. – М.: Прогресс. – 1988. – 464 с.
4. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб., 1999.
5. *Lakoff G.* Philosophy in the Flesh // The mind: leading scientists explore the brain, memory, personality, and happiness / edited by John Brockman. – New York. – 2011. (дата обращения 13.10.2015)
6. *Stoljar G.* Physicalism // URL: <http://plato.stanford.edu/entries/physicalism>. – 2001. – Feb 13. (дата обращения 13.10.2015)
7. *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 240 с.
8. *Nagel T.* What is it like to be a bat? // The Philosophical Review. – 1974. – LXXXIII, 4. – PP. 435–450.
9. *Chalmers D.* Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. – 1995. – V. 2 (3):200–19.
10. *Block N.* Troubles with functionalism // Readings in Philosophy of Psychology. – Harvard University Press. – 1980. – V. 1. – P. 268–305.
11. *Chalmers D.* Facing Up to the Problem of Consciousness. – Там же.
12. *Chalmers D.* The conscious mind: It Search of a Theory of Conscious Experience. – Department of Philosophy University of California. Santa Cruz. – 1995.
13. Здесь могут возникнуть сомнения в том, что эта зависимость взаимна. Сознание действительно не может протекать без процесса категоризации. Но почему категории не могут существовать без сознания? Ведь даже автомат по продаже газировки оперирует несколькими функциональными состояниями. Как если бы его машинному сознанию были доступны лишь разные виды монеток, а все прочее он не осознавал бы, поскольку оно не включено в его категориальную сетку. Ниже мы подробнее остановимся на вопросе о том, необходимо ли сознание для существования когнитивных процессов в целом и ментальных категорий в частности.
14. *Dehaene S.* Signatures of Consciousness // The mind: leading scientists explore the brain, memory, personality, and happiness / Ed. by John Brockman. New York. – 2011. – P. 217–238.
15. Вспомним классический аргумент «Китайская комната», предложенный Д. Серлем. Сколь сложным ни был бы искусственный интеллект, любые его операции будут лишь работой над единичками и ноликами. Полагать же, что эти единички и нолики могут обладать специфической перспективностью, которой обладают квалиа, – достаточно странное и необоснованное предпрятие.

Дата поступления 20.10.2015